

ВЛАДИМИР
ДЕРЖАВИН

П

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЛАДИМИР ДЕРЖАВИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1936**

Суперобложка работы художника Б. Титова

„ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ“

(ПОЭМА)

ПОСВЯЩЕНИЕ

I

В чернильнице моей поют колокола,
Склоняются дубы над крышей пепелища,
В ней город затонул — где прежде ты жила;
Ныряет кит, судов проламывая днища;
И каплет кровь с ветвей, где ночь любви вела
В кабаньих зарослях осенние игрища.
И гекатомб венец в сто сорок кораблей
Антоний утопил в чернильнице моей.

II

Где тополя шумят над красной черепицей,
Клен черный с яблоней сплетаются в окне,
Где смотрит дом в закат чердачною бойницей,
Там было суждено взглянуть впервые мне
В нагую глубь озер той скорби темнолицей,
Той властелинши, чей напев звенит во сне

Глухом, младенческом (лишь бурею догадки
Вздувает памяти чудовищные складки).

III

Как желтых туч пласты — осенние леса
Хоругвью шелеста твое клубили имя.
Со dna сознания преданий голоса —
На алых лошадях, под гребнями седыми —
Им смутно вторили... Песчаная коса
От волн хохочущих дрожала. Будто — в дыме
Ночном чуть видима, хватаясь за кусты, —
С большой толпой подруг идешь купаться ты...

IV

... И книгу февраля с застежкой золотой
Листает влажный снег, дыханья осторожней;
Твой ранний, горький смех — всепомнящей рукой,
Словарь твоей любви, — как розовые пожни
Под инеем сквозным, — вписал он в книге той.
Но я прочел не все, — и, что ни день, тревожней
Живет забытый край в душевной глубине,
Иголки башенок вонзая в сердце мне.

V

Я не его любил. Моим заветом не был
Ни город юности, ни игр забытых дом.

Но у тебя в глазах тонули даль и небо,
Двор с лошадьми, листок, летящий над прудом.
Но целый край, в лесах, в стоверстных волнах хлеба.
Стоял как зеркальце на столике твоём.
Тот мир, как мельница — росистая, ночная, —
Спал, водяным столбом твой образ отражая.

«Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый... человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества...»

Энгельс (Диалектика природы).

«...В то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне... но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах».

Энгельс (Диалектика природы).

«Но подражать в величии отцам бесславные сыны не научились...»

Байрон (Чайльд Гарольд, IV, LXXXIX).

I

Бокастый свой корабль ведя в Цейлон, с клеймом
 Стяжательства на лбу, из порта в порт кочуя,
 Торгует, грабит, все теряет за столом
 Игорным, иль в пути — когда пират, почуя
 Добычу, налетит, иль сам Нептун столбом
 Воды расщеплет бриг и понесет ликуя
 Обломки по волнам... Изъязвлен солью, но
 Живой, вцепясь в рангоут, иль оседлав бревно,

II

На берег выброшен. А там опять, быть может,
 О мокрый дэк стучит беспечным каблуком
 И, океан браздя, опять богатства множит
 Иль, вновь их потеряв, на корабле чужом
 Уплыл на родину; и сожаленье гложет
 Седую голову. И тяжко за столом
 Сидит он. Масляный фонарь воспоминанья
 Под вьюгой поздних лет горит в оконце зданья.

III

И, озаря жизнь с последней высоты
 Он хочет закрепить ее, коль дальше негде
 Жить сердцу, — в парусах дыханье темноты,
 Песок чужих земель, — на грубом диалекте,
 Где море, твердь, земля, где гуннские следы

Еще текут, звучат, шшибаются, где в текте¹
Согласных слышен стук германских дятлов... Там,
Ныряя в буйной мгле, Венеция, Амстердам,

IV

Эвбея, где б нога след ни вожгла, ударят
Горячим берегов дыханьем, влажной тьмой
Атлантики!.. Пока племянники бочарят,
Чтоб скудный хлеб добыть и старика покой
Блюсти, вновь мертвые года нахлынув дарят
Свирепой юности похмельем поздним, той
Сочащейся из тьмы листвою янтарной сада
Над пенным хоботом живого водопада

V

Фантазии!.. Когда ж богат он, и закат
Раздует седину на лбу его щербатом,
Все так же кораблей его холсты гремят,
В степях плывут воза, ослы режут набатом,
Таща тюки; в горах Паннонии стучат
Кайла добытчиков камней, клинком зубчатым
Перловых раковин ломают створы, чтоб
Еще он богател. Уже вступая в гроб

¹ Слово о полку Игореве — «Дятлове тектом путь к реце кажут».

VI

Одной ногой, корпя с приказчиком в конторе
С цветными стеклами, балансы подводя,
В пыли пудовых книг он слышит запах моря
И запах пряностей из трюмов. И, следя
Пути богатств, волнам врученных; хищно споря,
Как с шайкой шулеров, с стихиями; глядя,
Как на игорный стол, на мир весь, — все он молод
И, как поэт, живет весь разом! Темный голод

VII

Отцов, в нем возмужав, дно бочки вышиб лбом,
Как буйный первенец в легенде; и на гулкой,
Как бубен, палубе очнулся с топором
Разбойничьим в руках! Взлелеян шумной люлькой
Зыбей, поднялся он — разбуженный умом
Корявым, воспален чудовищной прогулкой
На утлом корабле за океан, слепой
От ярости, во лбу несущий над толпой

VIII

Кровавый зодиак наживы... Подорожник —
Крещенских стариков водивший по снегам
В семейной библии — погас. И сын-художник
Несет в охапке жизнь к шпателям и горшкам,
Чтоб холст дышал и жег. А внук его — безбожник:

Дивятся города чудным его речам,
Он проклят папою и выгнан из Сорбонны,
Но под его рукой качаются короны.

IX

Был первый — бурями дубленный мореход,
Чья страсть была живой опорой мироздания;
Второй — провидец душ, чей обожженный рот
В горящей песне лил итоги и желанья,
Не помня сам себя, им говорил народ.
А внук был фаустом, и тайное дознание
Пылало фонарем и шпагою стальной
Звенело под его перчаткой боевой.

X

... Читал я хронику семейства великанов.
Был поздний час; их круг ожил передо мной,
Тянулись пальцы их подобием таранов,
Казался разговор мне пушечной пальбой,
И благовонный пар над бочками стаканов
Мешался с чадом свеч и сыростью ночной.
Ночь замирая шла. Шипели вязы в парке.
И я прочел: «Телем» на обомшелой арке.

XI

Тонул огромный двор в листве. Оконный свет
Мелькал сквозь деревья. И сад гремел и цокал

Мильоном соловьев. Вот окна в кабинет,
Учитель за столом, где в клетке дремлет сокол:
По лбу ущельями пролег сомнений след;
Вот башня книг пред ним, бутылъ и пыльный цоколь
Монтэня медного. И я вступаю в дом,
Дивясь на статуи и живопись кругом.

XII

Столетний лак потух, но давка и движение
Десятков сильных тел сверкают на холстах.
Наморщенные лбы и шейных вен сплетенья
Показывают мощь. В лес мчатся на конях
Охотники. И труд былого поколенья,
В корзинах, девушки проносят на плечах,
Там спорят старики и толстой книгой в споре
Стучат об стол. А там — корабль спускают в море.

XIII

Везде я знак трудов любимых отмечал,
Должно быть — радости жилище эти своды,
И в зыбке океан строителей качал
У молодых сосков смеющейся свободы.
... Косматой пыли слой на оспе стен лежал,
И с моря теплое дыханье непогоды,
Курлыча ставнями, дырявыми давно,
Швыряло капельки в разбитое окно...

XIV

Тогда в огромный зал вошел я. Был он полон
Толпою шумной. Стол под серебром дрожал
Снопом огней. В окне, гася звезду за молом,
Бриз надувал кошму, как парус. Свет сбегал
По жолобам колонн, по женским шеям голым
И на щеках, зарей обрызганных, плясал.
Выл контрабас, кишки на пузырях гнусели,
Тарелки медные сшибались и звенели,

XV

Даль отражая. Пол жужжал от каблуков.
Меч поднят. С ним другой скрестил, горяч и ловок,
Неуязвим от шпор до выблеска белков.
То погружаясь в тень румянцем лиц безбровых,
То снегом плеч горя, сквозь коридор клинков
Шли в танце девушки. И жир из туш воловых
Лизали с блюда псы. И шумно, как гроза,
В проломы музыки врывались голоса.

XVI

Граненых кубков треск, их женщин громкий хохот,
Чьи веки взрезаны причудливым ножом,
А выем губ в густой крови смочила похоть,
Прибоя колокол, гудящий черным дном,
В листве прилива шум и ливня смутный грохот, —

Все разом в капище сшибалось звуковым,
Где эхо у стропил, как филины, гнездится
И перекошены во мраке статуй лица...

XVII

Но младший, — чьи виски жевательным тяжом
Утолщены, а взгляд горит умом и злобой, —
Там не был. Он сидел за письменным столом,
Где в башенном стволе воняет сырью гроба
Пасть библиотеки... Уж брызгала вином
Заря над головой его широколобой.
На коже слюдяной писал он: ... в чаше букв
Шел человек. Про жизнь шумел корявый бук

XVIII

Над люлькой; под семьей, как под судном, подпору
Подшибли; руль трещит в потоке бытия.
Вот рынки Гоа, где Камоэнс с богом в ссору
Вступил, разбойникам судом судьбы грозя.
И в Гоа, в долговой тюрьме, в лицо позору
На каторжной скамье глядит он как судья.
Лишь голова его, на стебле сильной шеи,
Под грузом выводов, склонилась тяжелее.

XIX

Над домом королей, окаченным зарей
Двух Индий; над венцом, что выковал вчера лишь

Торговец неграми! Над библией глухой
Трех океанов, где сочится кровью в залеж
Страниц топор отца!.. Не так же ль золотой
Добычей трудных дней ты черный трюм завалишь,
Но, волей сил слепых иль дьявольской руки,
Боченки дома вскрыв, увидишь черепки...

XX

... Расколотыми в ночь затылками обляпав
Ступени, волоса приклеив к косякам,
Спят города. В снегу летящем гари запах
Пугает коней. Здесь князьям и бочарам
Попойку дал раздор. В окостенелых лапах
Эфесы сломанных клинков, осколки рам
Возле веранд. Кругом дома пылают. Меди
Трезвон на ратуше... Здесь меряли соседи,

XXI

Чьи гири тяжелей у жизни на весах,
Чья молодость буйней, чья истина моложе.
... Вот звезды сыплются с мечей. Столы впотьмах
Повалены. И гость заколотый в рогоже
В сад вынесен тайком... А полночь в воротах
Стучит в подвальный люк. Под задранною кожей
Синеют мышцы. В труп украденный свой нож
Пытатель истины вонзил, чтоб первый грош

XXII

В копилку мысли лег рублем... Он как ребенок
В ночном лесу, когда под северной трубой
Рвет листва, и страх коню на перегонах
В кровь раздирает рот закрученной уздой.
Он бьется, как в цепях, в отеческих законах;
Рвет их и, цепь крутя с прикованной скамьей,
Бьет ею в купола судилищ, в лица судей,
И в череп неба бьет, уж не прося о чуде!

XXIII

Джордано Бруно рос в монастыре. Тайком
Читал Ван-Гельмонта и Регио-Монтана.
Кадильниц хриплый звон и гул органа днем
Он слушал. Ночью труд и мысль. А утром рано
Поет животное вселенной за окном,
Смеется девушкой, жужжит листвой платана.
Столетний лопасти пронесит колесом
Неисчерпаемый, живородящий дом.

XXIV

... Тогда он в ереси был обвинен. Но вскоре
Он свищет плетью в лад неслыханным словам
О небе и земле. То в школе, то в соборе
Громя попов, а то — рукой, сквозь копыта рам,
Нагнувши клен планет к скамьям аудитории,

Он весть свою понес торговым городам,
Где шкуру мир менял, где мысль роилась гуще.
И был сожжен живым, чтоб вслед за ним идущий,

XXV

Сжав горсть его золы в суровом кулаке,
Поклялся быть неукротимым!.. У другого
Отец был мужиком. Ребенком на песке
Пред замком, с головой отца чернолиловой,
Вчера отрубленной, сидел он... Налегке,
Охлестан ужасом, бежал. Но каждый новый
День бил его в лицо и в душу лапой гроз.
Так стал он Мюнцером. Зрачков крутой закос,

XXVI

Из-под надбровных дуг, зажегся злом и силой;
Стал боевой трубой косноязыкий рот.
И ужас, вырытый в мозгу сплошной могилой,
Поднялся разумом, чтобы вести народ.
В те годы хлеб до тла Германия свозила
Обозом податей у замковых ворот.
Нужны баронам шерсть и золото. Крестьяне
Остались без земли. Глухой набат восстаний

XXVII

Ударил!.. Лапами лесистые хребты
Тянулись. Волоском на них — двухвековая

Сосна. Внизу лежат книг меловых листы,
Разбухшие тома в ущельях раскрывая,
И старцы ледников бросают с высоты
Седины падунов... Ушла вода дневная.
На перевалы пар ползет, по глыбам скул
Шум водопадов слит в сквозной, всеобщий гул.

XXVIII. XXIX

Горят на башенках разбойничьи костры.
Туманною звездой мигает горный город.
Дымится кузница в лесу. Возле дыры,
Где ищут серебро, скрипит бадейный ворот.
Бегут стада овец на графские дворы.
Под ветром расстегнув корой засохший ворот,
Вдавлив кожух в плечо тяжелою киркой,
Идут забойщики усталые домой.

XXX

Несутся облака, нагруженные солью,
И сыплют белых искр осиплый звон в лесах,
Качая лампы хвой, стуча дубовой голью,
Срывая камни с крыш и воя в рудниках.
И стонут путники, томясь трудом и болью,
Застигнутые тьмой и бурей в облаках.
И песню прежних дней в пастушеской лачуге,
Под лютни вьюг, поют за прялками подруги...

XXXI

Раскачивая гул тревоги по горам
Глухого Шварцвальда, ходил он, подымая
Деревни, рудники и города. И там,
Где Мюнцер шел, в волнах пожаров, расшибая
Ворота замков, бунт взрывался! Пополам
Расколото ярмо. И, шею разминая,
Каким еще никто не знал его, народ
Поднялся до неба затылком! Целый год

XXXII

Пятисотлетние гербы со стен крошились
Под ломом мужика впервые на земле.
Попы бежали в Рим. Монастыри дымились.
Шли усмирители по пеплу и золе,
И на обломки гнезд разбойничьих катились
Повстанцев головы. И замок на скале,
Раздавленный ногой войны, по нищим кровлям
Рассыпал кирпичи и вновь не восстановлен.

XXXIII

Пал Франкенгаузен. Последней голова
Вождя обрублена. И хомутище новый
Сжал деревень кадык. Но медные слова
Легенд гудят в веках под заревом становий
Как почернелые колокола. Едва

Взойдя, крестьянский рай обуглен. Лишь гроздой
Туч полосой в горах еще дымится он,
Где ржавой трещиной расколот небосклон...

XXXIV

...Глаза на выкате в припухлых веках. По лбу
Оврагом пролегли скитанья. Вырез губ
По-жабьи крут. Рука в ожогах, словно колбу
На колдовском огне он грел. Мореный дуб
Лица, и грубый плащ, в каких ячмень и полбу
Отцы на барщину возили. Бронзой групп
Скульптурных перед ним в глуби ночных подвалов
Теснится нищета. На желобах кинжалов

XXXV

И на раструбах дул рассвет блеснул. Тот день
До полдня свечерел... Опять блестящ и жуток
Войн карнавал пылит; и цокает под сень
Ворот Антверпена, в шпалерах проститутток,
Под старшим Габсбургом опененный игрень.
На полпудовый шлем с гвоздикой фландрский лютик
Угрюмо нацепив, своих купцов покой
Сам Альба отстоит костлявою рукой...

XXXVI

Всем бортом грянул залп. Фальшивый жемчуг пены
Всклубился под кормой, высокой как собор.

За бледным берегом, мерещась, всплыли стены
Руана и Калэ. Звездой блеснул Кагор.
И кожу англичан обмазал жир Сиэны,
Пока сошлись войска пловучие в упор.
День облака гасил. Шла ночь лиловым паром.
И целый век одним потоплен был ударом.

XXXVII

...Так позже: пушек дым и моря синий пар,
Клубясь, мешались над взмыленной водою.
Вот адмиральский борт сигнальный дал удар;
Ядро запрыгало по волнам. — Люки, к бою!
— Матросы, по местам! — И дрогнул Трафальгар
Отгула кольцами... А буря шла стеною
С каемкой розовой... и лесом костылей
Был дома возмещен потопленный трофей...

XXXVIIIa

Зачем? Их смысл один: то двое сыновей
За океан дрались, как свиньи за корыто.
Король и Шейлок там, здесь выскочка Вольсей
Давно просеяны сквозь золотое сито.
Не цепь Алариха, не двадцать королей,
В придачу к трону нос с горбинкой знаменитой
Дававших сыновьям: в руках держала власть
Колоды торгашей оранжевую масть.

XXXVIII

Гез повалил столбы Испании торговой.
Ей выбил пивовар последний крепкий зуб.
Кастилец, брякая раскованной подковой,
Рвет конский бок, спеша за пограничный дуб.
И Ламме отразил в поту щеки багровой,
Как в блюде, стол обжор, снег между женских губ,
Большой фонарь луны над миром, как над домом
Веселых баб, под треск фужеров схожий с громом

XXXIX

Салюта дальнего с фрегатов молодых,
Что реют мотыльков многопудовых стаей
На взморье! В погребе, в кругу друзей своих,
Иль книгу городов и стран ногой листая,
Он слышит лет судов. На доски палуб их
Оперлась родина, за горизонт шагая!
И, до звезды плеща, под воротами ног
Седой Атлантики мурлыкает поток.

XI

И он стирает пот со лба, как утомленный
Работой землекоп. Он сваи бытия
Врыл для родной страны, как дед крепил наклоны
Держащих море дамб, где — что ни горсть — своя
Лопата погнута. Над ним бушуют клены,

Что в детстве он сажал. С ним пьянствуют друзья —
Ткачи, пирожники и кузнецы, — солдаты,
Вчера лишь на чердак забросившие латы.

ХLI

...Из шлюпки на берег выходят гости. Их
Здесь ждут уже. «Пора!» И в срок они успели
Бежать из миртовых лесов и от своих
В навозе гуннских орд зарытых колыбелей,
Где выпестован Рим, где раньше их самих
Эллада няньчила. Их лица огрубели
Под ветром тех земель, что только поутру
Прошибли в скорлупе яйца времен дыру...

ХLII

Не южный городок, затянутый зубчатым
Ремнем стены, а вся страна, смеясь, цветет
Ветвями рек! Суда, багря крыло закатом,
Скользят, как бабочки над зеркалами вод,
Торговым грамотам, наместничьим печатям
Дал силу городской, пронырливый народ,
Чтобы республика окрепла молодая,
Законным грабежом свободу подпирая.

ХLIII

Вновь колесом контор и сданных в рост корон,
Где папой — дисконтер, а Колизей — как барка

На отмели веков, и старый Авиньон —
Тавром позорища, что вжег ему Петрарка,
Закатывался Рим — денница двух времен.
Как поп из Франкфурта, с гаагским Суперкарго,
В плотине севера поворотив навой,
Течь помогли годам дорогою другой.

XLIV

В домах с балконами справляют новоселье
Сыны и дочери с двузорьем на щеках.
Пылают фонарей и плашек ожерелья,
Грызутся кобели цепные в воротах...
А за проливом ночь, и брезжит лоб Кромвеля
Над гробом короля, в дворцовых зеркалах.
Проходит часовой, мерцая протазаном,
И даль дождливая гудит бродильным чаном.

XLV

Расшивой Конунга врубившись в берега,
В мель, как топор, всадив нос корабля горбатый,
Завоеватель снял с нашлемника рога.
Под замком высохли широких рвов раскаты.
Туман над Гастингсом. И тонкие снега
Лесоторговых шхун вздувают холст косматый.
Над морем Северным задумавши лететь,
Они в ночных волнах свою сжигают сеть.

XLVI

Там корабли плывут к далеким и соседям,
Под горло Арктики, к неизвестной реке.
А Лондон оскупел свирепым домоседом,
Псалтирь и мушкетон держа в сухой руке.
И мещанин-боец под блянье обеден
Бряцает шпорою на толстом сапоге.
Стекляшками блестя сквозь испитую маску,
К колету он прижал прорубленную каску...

XLVII

Как скряга, по грошу он копит рода мощь,
Сперва боясь рискнуть и медяком щербленным,
Подпертым библией. И двухсотлетний дождь
По мордам каменным и трубам искривленным
Течет с Вестминстера. Из опустелых роц
Ушла Титания. Лишь кипенем зеленым
Бушуют клевера — кормежка для овец,
Да пломб дверных блестит под фонарем свинец.

XLVIII

Не тучи, древней лжи стоярусные своды,
Казалось, старая Европа подняла.
Вдоль пристаней текли ноябрьской Темзы воды,
Дробя скупой огонь кабацкого стекла.
Кричали флюгера под лапой непогоды.

На много миль толпа к позорищу текла.
В тот вечер был Дэфо к столбу привязан стоя,
И по щеке его текло яйцо гнилое.

XLIX

Дант, сжав подковы губ, лица не обернул
На драный манускрипт пожарища, развитый
Над крышею родной. Пловучих тюрем гул
Камоэнса рукой, древком весла разбитой,
Вожжен в листы зыбей! Быть может, потонул,
Как Кларенс, в бочке, тот, чье имя позабыто,
Кто назван Шекспиром. Иль откатил палач
От шеи головы его тяжелый мяч?

L

Но как его весна под затхлым дном шумела!
Соленых солнц круги на бочке золотой...
Пучина по ночам ломилась в стены мела,
Столичный тракт пестрел торговой толпой.
Жизнь через край он пил, и дно ее горело
Любви, убийств, легенд и судеб теснотой,
Как океана дно в чудовищном отливе,
Флот захлестнувшего в своей бегущей гриве.

LI

Аббатства черный кряж, где рос он, одичал.
На свитках со шнурков осыпались печати.

Покрылись плесенью столбы заветных зал.
Он рос отверженцем. И мимо, в желтом чаде
Наживы, денежным потоком грохотал
Его отвергший день. Одна щека в закате
Столетнем, на другой — багровый утра блик:
Так, в Воротах Двух Зорь он поднял темный лик.

ЛII

...Кружились полночи; в померкшей ли эмали
Морского купола, в крещенских ли снегах,
Веселья пушками и пропастью печали
Дыша и отклики будя в ночных горах,
Чтоб крепче бунта цепь друзья его сковали...
И утром не перо, а меч блеснул в руках,
В ответах песни той, что пела мать над зыбкой,
Под гипсом двойника с трехвековой улыбкой...

ЛIII. LIV

...Антоний губит флот за поцелуй. Во вздутых
От злобы венах грудь Кориолана. Меч
Кольчугу Глостера прорвал. И Шейлок в путах
Берет врагов как рыб. А в днище Рима течь;
Но цезарь пал... И вот, кольцом волшебных суток,
Все быгтием кружась, в базарах, в гуле сеч,
Как на оси земля — на пальце великана
Несется хоровод Причуды и Обмана...

LV

А в море, воротник зубчатый отогнув,
На кожаный камзол под шеей, побурелой
От кулака удач, разбойник выгнул клюв,
И стадо парусов как стадо птиц шумело,
Как пушки хлопало над палубой, вдохнув
Простора. А в тугих снастях — все та ж — звенела
Лет ярость. Лишь у ней учетверилась власть,
Чтоб каторга миров громаднее неслась.

LVI

Он слышит: сквозь века трубят над океаном,
Подняв до облаков уступы серых шей,
Как вавилонский столп огромные, туманом
Обвитые, дома далеких сыновей...

.

. А дальше все темней,
Все непонятнее времен идущих голос.
Как будто мир сторел и небо расколось...

LVII

Где шел он — вексея и деньги из ларей
Текли и города прекрасные вставали,
Империю росли и падали; темней
Густела ночь, солнца багровей освещали —
Чем прежде — пыль дорог. И, в лязганьи цепей
На неграх, табаки под ветром бушевали.

Стал сыну тесен дом отца; лишь океан
Не тесен был ему. Восьми морей туман

LVIII

Его околдовал. Над ним клубились тучи,
Как перья в двести миль на шляпе! А плащом
Ему был ураган и складки водной пучи.
То в небо черное швыряясь кораблем,
То бросив с облаков, с десятиверстной кручи,
Чуть киль не ободрав блеснувшим слизью дном,
Где города лежат и волочится тина,
Как мамка — баловня баюкала пучина!

LIX

О, мамка естества! То миллион грудей
Вздывая до звезды, то днище оголяя,
Ты пенным молоком вспоила сыновей,
Их головы судьбой и славой озаряя!
И говор твой, как мир, то мягче, то грозней
Им души наполнял... О, пьяная, седая
Кормилица семи умолкнувших веков!
Твой шопот слушал я в проломах детских снов.

LX

И мне мачтовый лес ревел над колыбелью,
Сгибаясь до земли под западной трубой
Дыханья твоего! В степях шумя метелью,

И настезь, в кольцах бурь кружась над землей,
В горячий лоб хлеща соленою капелью,
Ты грушей Арктики склонялась надо мной,
Где прыгают в зыбях киты, где сквозь туманы
Траулера плывут и сети-великаны

LXI

За ними тянутся, как облака... Пора
Настала, и меня ты подняла на пенном
Хребтище. День тонул. Завыли рупора
Ненасстья. В брызгах бот нырял под сильным креном.
Далеко в дымке птиц курились траулера
И плыли льдины. Ночь ползла к норвежским стенам.
Ты ж обняла меня и обнесла такой —
Как мира молодость — отвагой и тоской,

LXII

Такою памятью огромной, что и в капле
Ее я утопил бы землю и зарю
И душу!.. Роя зыбь дубовой носа саблей,
Бриг диссидентов плыл, раскрывши сентябрю
Все паруса. От волн бока его ослабли,
И брызги клочьями текли по фонарю
Над черною кормой, где выдолблено имя:
«Майфлауер». Облака тонули в медном дыме

LXIII

Заката. Под бортом, вся в пузырях, плеща
И в днище бухая как в колокол, хмелела
Вода. Подняв из волн отлогий горб плеча,
В заре Америка неясно засинела,
И чайки к кораблю слетались крича,
Как буря снежная. Убийца, поседелый
На каторге, закрыв рукой глаза, рыдал,
Упав на палубу. А материк нырял

LXIV

В заре, как синий кит, и близился! Так дважды
Был Новый Свет открыт. Толпою каторжан
Они взошли на борт; сошли семьею граждан
Великой родины... Их золотой обман
Погас. Со лба времен, скоробленный от жажды,
Венок осыпался. Сквозь утренний туман
Ворота новые горят багряной аркой,
И день встает, и в них земля вливает баркой.

1934

ДЕТСТВО

(РОДИНА)

В пыли, стадами поднимаемой, тонул
И плакался расколотым подолом
Ночного колокола

город ссыльных

Народовольцев, воротил в поддевах
И с бородами, как битюжки ноги.

Вот родина моя. Унылый город,
Склонившийся над саблею реки,
Которой лезвие в осоке блещет,
А ржавая тупая сторона
Клинка несет лачуги и лабазы.
И катится по костылю слеза из глаза города.
На веках у него морщины, как овраги,
По берегам их лепятся домишки.
И кажется: сейчас войдешь через плотину
На улицу, где, в баночки железные звеня, бегут стада,

И станешь снова школьником, и председатель
Уисполкома с вестовым проскачет,
Кубанку сбивши на затылок,
Казачьим ухая седлом.
А на дворе шумят закрученные дубы,
Листою хлопая по желобам коры,
Как будто их, винтом, с невероятной силой выперло
из камня,

И лопнули верхи у них, как бомбы,
И стали разговором зелени!
И семь дубов, как семь республик,
Сплетаются над домом,
И семь дубов дрожа сплетаются,
Как семь певцов, качаемых запевом Калевалы,
Попарно шестеро, седьмой, всех больше,
Над головами их жужжа качает
Гражданство молодой листвы.

И бабка говорила: «Север
Опять подул в свою трубу, как на картинке
Мужик седой и волосатый в раковину дует,
Он принесет нам в тучах майские снега!»
Но я его не знал.

Я видел дубы, наполняемые бурей,
Их говор слушал, песню их застольную
и дребезжанье струн.

А ночью в крышу дождь стучал, как туча галок,
И выбегали девушки

мыть голову под толстою струей

И, кофточку стащив с плеча, мочили грудь и плечи.
Я слушал визг серебряный и плакал,
Что я ребенок и лишь буду им смешон,

что это берег —

Другой, огнями брызжущий,
Щебечущий листвою, птицами и смехом,
Другой — завистливый, где поцелуи

звенят и щелкают,

Где оживают статуи и, лестницей скрипя,
На мезонин приходят в каменных объятьях
Задавливать любовников живых.

А прачка неба, двигая корытом,
Струею толстой воду черную лила,
Свой хлеб трудом тяжелым добывая.
Как барин, издеваясь над ней,
Чубатый гром, хлеща коней, гремел телегой
И, проскакав и охорашиваясь,
Седую грудью молодо дыша,
Опять ругался:

«Прачка! Сволочь!

Уродина! И ноги у тебя распухли!
И харя вся рябая! Ты — лохань
Вонючая! Хоть сто Наполеонов
Роди — все будешь прачка ты!»

И прачка,

Беременная, плакала и воду
Лила струею толстой из корыта,

И ныли ноги — грязные, с узлами
Раздутых вен...

...О, мать моя! Тебе

Я песню посвящаю. Ты меня
Ребенком, как река, несла в своих рассказах,
Как птицу, ты меня закутывала в тучах
Любви, встающей десятью столбами,
Как многоцветный дым от десяти морей!
Над колыбелью, будто в блюде с чаем дужа,
Ты словно буря относила гибель
От головы моей.

...Все потонуло,

Что помнил я. И разве только память
О памяти осталась. Но теперь —
Все подымись, что позабыто!

Стань прозрачной

До дна морского, мира глубина!
Ведь, в колбу зачерпнув, уж не на прежнем очаге
Соль из тебя я выпарю!

На корабле

Другом я поплыву теперь; не на рыбацкой
Посудинке, как раньше, у которой
Любой китеныш твой мог днище проломить
Хвостом, расщепливая бревна, словно dranки,
И сеть, чтоб выловить твоих чудовищ,
Твои богатства, тайны, чудеса,
Не прежнюю — веревочную, с тиной

Присохшей, опущу в тебя,

а сеть стальную

На десять километров, чтобы по дну

Она тащила грузила, с мотором,

У траулера на корме...

Отвага

И честность, ободами

двух солнц сплетитесь

На хлопающем утре

Клубящихся знамен.

А молодость, стань трубачом с трубой двугорлой —

С трубой печали и трубой веселья.

Ты, песня, как полки пойдешь, и за тобой

Обозом хлынет память, арбами скрипящая,

Ревущая багровыми быками,

Пыль поднимающая с огневой каймой

Под теплым ветром, доносящим запах

С десятиярусным, необъяснимым шелестом,

Из той страны, которой именем клянемся,

Которую идем завоевать!

1934

СЕВЕРНАЯ ПОЭМА

В. А. Луговскому

Заря. Мильоны птиц. Зеленая вода,
Прозрачная до дна. В стодневном солнце глыбы
Столовых гор. И вновь к ним пристают суда—
Почтовый пароход и сотни бочек рыбы
Несущий траулер. Они зашли сюда
Взять уголь, залечить проломы и прогибы.
И к дому поплывут, Туманная Страна,
Как рыбы с твоего серебряного дна.

II

Под кроной снежных бурь, в тюленьем плеске,
в чащах
Китовых гейзеров, вдоль кромки берегов
Шли утвердители путей Кабо, лежащих
Почти у полюса. И ребра их судов

Ломались пополам между зеркал звенящих,
Меж ледяных зеркал. Пока «Сибиряков»
Не проломил насквозь в закованном просторе
Огромной трещины до Берингова моря.

III

Голландцам Арктика мерещилась путем
К шафранной Индии, к Китаю золотому.
Весною, как в кабак, влетал в твой светлый дом
Веселый китобой по поводу иному.
И открывала ты поющие, как гром,
На огненных столбах ворота. Только к дому,
Быть может, никогда не воротился он,
Медведицей твоей стоглазой усыплен.

IV

Но и домой придя, в Гаагу, в тихий Бóскон,
Он, смуглый и седой, тоскует о тебе —
О пене, льющейся по почернелым доскам
Пузатой палубки, о свадебной гульбе
Белух под Свальбардом. А мать с горящим воском
Свечи ушла в собор, молиться о судьбе
Сынка. Но, чу, салют на верфях! На глубины
Скатился новый бриг. Теперь не сдержат сына

V

Ни бог, ни божья мать... Так здравствуй, океан!
Ты чешешь брюхо вод о каменную гриву

Подводных гор!.. Кричит свирепый капитан
Слова команды. Он на добрую поживу,
Раздув ноздрю трубой, уставился в туман,
Где первый лед плывет, как гуси, в грозный, сивый,
Седой простор. За ним, как неподвижный дым,
Белеет Хорнзунтинд под шлемом ледяным.

VI

Там флоты четырех держав кидают разом
В заливе якоря. На берегу растут
Бараки. Сотня баб с гальота сходит наземь.
Торгуют кабаки, и кузницы куют.
И ствол земной оси китовым жиром смазан
В конторе «Скоресби». И корабли везут
Добычу в Англию, ныряя под ветрищем,
А нищий китобой домой уходит нищим.

VII

Покамест кузнецы пудовым острогам
Наваривают зуб, покуда ставят бочки
В двенадцать этажей и роют сотню ям
Для жировых котлов, уж — кораблевы дочери —
Забили веслами лодчонки по волнам.
И в лопасть горят гребцов ушные мочки.
И в мокрой лопасти вдруг солнце пролетит
То полным колесом, то длинное как кит.

VIII

И, стоя в шляпочке, гарпунщик в полосатой
Рубахе над плечом занес гарпун с двойной
Бородкой. Саженьях в пяти от них, горбатый
От сала, на волнах качался кит. Спиной,
Как золотой горой, струясь в огне заката,
Он лодку окатил сверкающей струей
И затопил ее. Но в бок вошел до дрожи
Гарпун. И лопнула коричневая кожа.

IX

Но, весла поломав, как спички, зверь высоко
Хвостом подбросил бот и оглушил гребцов.
И бешено нырнул. И теплого потока,
Текущего меж дном и пеною валов,
Коснулся мордой. Кровь из раненого бока
Клубилась под водой стадами облаков.
А он все глубже шел, клубя свой след багровый
Сквозь все три яруса собора водяного.

X

И гроздя пузырей неслись над ним столбом.
А где нырнул, кипя крутилася воронка,
Как за утопленным военным кораблем.
Он всплыл и пасть раскрыл с лиловой перепонкой
И умер, хлопая огромным плавником,

Как пушка по воде... Была в разгаре гонка.
Садилось солнце. Вновь вставало, не дойдя
Вершка до волн. Под ним, куда ни глянь, следя

XI

Фонтаны, от Кингсбей до бухты Магдалены
Летят ловцы, надув холсты как облака.
Убитые киты в венцах кровавой пены
Под бортом на крюках качаются пока.
Свежуют на воде, с размаху рубят вены.
Проламывают лоб, как крышку сундука.
Отпиливают ус. Артельщик видит: мало
Ста бочек, чтоб убрать все вынутое сало.

XII

Так уничтожен был великолепный род
Чудовищ кротких. Есть поморское преданье,
Что все киты ушли к отцам в глубины вод,
К трем золотым китам, держащим мирозданье,
Что лишь порой, хвостом проламывая лед,
Они на полюсе всплывают, в звездном чане,
И, надышавшись, вновь уходят в теплый слой
Гольфстрема, льющйся глубоко под водой.

XIII

И город ворвани исчез. Потухли ямы
На Салотопенной за бухтой Вирго. Там

Теперь базар гусей. Померкли Амстердамы —
И остров Амстердам и город Амстердам.
Лишь ночь полярная бураном сыплет в рамы
Избы зимовщиков со щербнем пополам.
В избе горит жирник. Седой помор скребницей
Стряхает вшей. Другой — распухший, чернолицый

XVI

От голода — лежит на шкурах. Потолок
Над ним, как в облака, одет в горящий иней.
Он умирает. Мир, прозрачен и глубок,
Проносится под ним, клубясь, как хвост павлиний.
Над миром бороду дождем раскинул бог.
Лица не разглядеть, а плешь — горою синей.
По ней стада бегут, под ней шумит вода,
И туча над селом проносит невода.

XV

Свет ярче, тень черней. Бог — это кормщик, дядя
Андрей. Морщины лба, как рвы. Они гремят
Ручьями. В бороде, как в белом водопаде,
Лососи сыплются. Два домика стоят
На выступе скулы. Как на горе в посадке,
На лбу колокола далекие звонят.
И мать несет бадьи на красном коромысле,
Где ивняки ресниц над глубиной нависли...

XVI

... Плывут на промысел казаки. Стены гор.
Медь загорелых лиц. Морж ударяет зубом
В ладью, да слышен волн широкий разговор.
По грязным бородам и по собольим шубам
Скользит заря. В ладье веселье, брань и спор.
Сверкает, как весло, душа в разгуле грубом.
Так плыл Дежнев. Пылал и угасал восток,
И лодочку несло теченьем на порог

XVII

Двух океанов. Бот, подняв кривую рею,
Влетал, как ласточка с одним косым крылом,
В Великий океан...

«Я быстро холодею.

Я время не верну, как этот синий дом,
Морей, лесов и звезд. Уж смерть близка! Скорее
Возьми ту книгу. С ней ты обойдешь кругом
Весь мир!» — шептал старик ученику. На стуле
Раскрыта книга. В ней за крайним мысом Фулэ

XVIII

Свернулся океан, как простокваша. Там
Живет народ с лицом на животе и племя
С собачьей головой. А выше, по кругам
Великой водяной горы, земле на темя

Корабль заплыть бы мог — к цветущим островам,
Где годы юности назад приносит время,
Замкнув свой полный круг, к стране вернувшись той,
Чьи берега висят над кручей водяной.

ХІХ

На стебле золотом земля висит, как груша.
На черенок ее по круче водяной
Плыл юноша — Колумб. Толпой зубчатых кружек
Росла Исландия над пенной пеленой.
И кожу лживых карт порвав в ладонях дюжих
И вскинув голову под гривой золотой,
Он до зари глядел на острова ночные,
Где снова зажжены костры береговые.

ХХ

Там Карфагенянин с коричневым лицом
Летел проливами на гибких крыльях весел
Без компаса и карт, с нелепым чертежом
Перипла. Как мечи под корабельным носом,
Звенели льдинки... Ночь ушла. На заревом
Песке спит Ченслер. Шторм его на отмель бросил
У скал Шотландии. С пробитой головой
Он спит, зарыв лицо в песок береговой,

ХХІ

И видит сон — Москву... Вот Гюнбьерн, Эрик Рыжий,
Турвалд, Лэйф Эриксон и Бьярни Херульфсон

По водяной горе всплывают выше, выше.
Тот плыл в Исландию и бурей унесен
В Америку. Другой под сводчатую крышей
Дряхлел в изгнании. Багрово озарен
Камином, опустив на грудь усы седые,
Он слушает певца. И песни молодые

XXII

О Северной Двине, о гибели богов,
О высшей доблести, о Торере — Собаке
Проходят перед ним, звеня клинками слов.
Драконы, солнца, львы и золотые маки
Сверкают на рядне девичьих подолов.
И песни плещутся, как роги алой браги.
В них спит грядущее, в них прошлое живет.
И кто хлебнет из них, тот молодость вернет.

XXIII

О детстве, о любви, почти забытой, ломкой,
Как в ящиках стекло, напомнят мне они.
Мне вспомнится январь и лыжный праздник, кромкой
Рамп опоясанный, и за рекой огни.
Любимое лицо и стол с большой солонкой
И карнавал миров под скатертью в тени.
Тот бедный стол встает, как Фулэ снеговая
Неисчерпаемый. И пыль на нем живая.

XXIV

Ты встала у окна, закрыв рукой глаза.
И в мутных зеркальцах твоих ногтей качались
Пять городов, зима и гавань и леса.
В них можно было жить. Бесстрашье, гнев и жалость
Неслись в молчании, нависшем, как гроза,
По белым улочкам. Но что ж от вас осталось,
Затопленные тьмой пять снежных городов
Планеты юности, и от тебя, любовь?

XXV

В буране домики, как в повести, стоят.
В них ключ моей тоски. За ставнями просветы.
В домах сапожники с портными говорят
О главном том, — о чем не вспомнили поэты.
И хлопья снежные по улице летят,
Как многолюдные, веселые планеты.
В воздушном корабле на ближнюю из них
Летят купцы с мешком браслетов золотых.

XXVI

Той ранней, голубой зимой пласты историй
Народов и культур, все пятьдесят веков,
Снежинкой сделавшись, носились на просторе.
Казалась светотень на лбах у стариков
Войною двух племен. И в этом шумном вздоре
Хозяйкой маленькой жила твоя любовь.

Но в водяном столбе тех дней все это было
Лишь отражением ее творящей силы...

XXVII

Как из ноздрей кита, из каменных ноздрей
Норвегии хлестал двойной фонтан червленых,
Резьбою, как ковши, обвитых кораблей.
И первая струя осыпалась на склонах
Америки. С другой — на чумы лопарей
Слетали удальцы на двух крылах вороньих,
Прибитых к шлемам их, раскинувши усы
И кудри заплетя в две женские косы.

XXVIII

А с юга Новгород, цветной, высокомостый,
Толпой монастырей трезвоня на морях,
Раздувши паруса разбойничьим норд-остом,
В мостах, как радуги, в лабазах и ладьях
Шел, грабил, богател. Ловецкие погосты
Вставали на крутых, тресковых островах.
И плыли мужички на лодочке убогой
На Грумант сказочный неизвестной дорогой.

XXIX

Как конь против туры на шахматной доске,
Глухие города острогами чернели.
Там, обогнув Вайгач и от реки к реке
Таща кораблики через Ямал, потели

Купцы, спеша на Обь, где гавань вдалеке
Бездонную Сибирь качала в колыбели.
И раз наткнулися на запертую дверь.
Но настезь вновь она раскрыта лишь теперь...

XXX

...Сначала в кабаках или в домах игорных
Сходились юноши вокруг смуглых стариков,
Пропавших каторгой, послушать сказок вздорных
Про Камбалиск, Квинзан, про двести городов.
Что — если б все купцы, от финикиян черных
До рыжих фризов, все за двадцать пять веков
Купцы пошли б в Китай, в тот рынок необъятный,
То все богатыми вернулись бы обратно.

XXXI

И вскоре, паруса раздув, как облака,
За Гамой на восток, на запад за Колумбом

.

Помчалась кораблей дубовая река.
Их принца Генриха железная рука
Благословляла в путь. И по причальным тумбам
Ползли удавами, захлестываясь вмиг,
Канаты мокрые в песчинках золотых.

XXXII

И зависть поползла, как тучи, к северянам.
Над бухтой грянуло далеко жерло.

То плыть хотят сквозь ночь, Сибирским океаном,
Три корабля в страну, где вечное тепло.
Вот облако — салют двору и горожанам —
Взвилось. Вот на корме фонарное стекло
Зажглося под зарей. И мачты потонули
В молочном сумраке, в густом надводном гуле...

XXXIII

Джон Дэвис, Баффин, Мунк, Пит, Джекмен, Стэфен
Борро,

Свои суденышки пытаясь провести
К востоку по Оби в Китайские озера,
Иль за Гренландией Японию найти —
Увидели Ямал и стены Лабрадора
И проложили нам начальные пути.
И гибель Баренца и Гудсона, и многих
Забывтых, маяком светила нам в дороге.

XXXIV

Когда вернулся Рийп с остатками отряда
Виллима Баренца — их всех уже давно
Считали мертвыми. Тот день был днем парада,
Днем торжества страны. В тот день лилось вино
Не в честь полярников. Нет — большая отрада —
На взморьи Хутман встал и опустил на дно
Свой якорь с глиною индийских рек на лапе.
Он весь Цейлон привез домой в суконной шляпе.

XXXV

...Но вслед за Берингом Овцын и Муравьев,
Малыгин, Прончищев, два Лаптевых, Челюскин,
Взяв на плечи гранит полярных берегов,
Приподняли Сибирь. Им, офицерам русским,
Рукою мертвой Петр по выпуклости льдов
Чертил ужасный путь... И чукча глазом узким
Глядел с горы на дым неизвестной земли,
Откуда двигались чужие корабли.

XXXVI

Лупили кошками матросов...

.
.
.

XXXVII

За открывателем шел нагишом разбой.
Сибирь — поднятая, как крышка над бездонным
Ларем глухих богатств под ледяной корой,
Где вмерзли мамонты, как мошки — вновь со звоном
Захлопнулась. Ее одной своей рукой
Стал поднимать купец. Родительским иконам
Сначала помолясь, поддевку на сюртук
Сменив и натянув на две коряги рук

XXXVIII

Перчатки модные, он в Петербург поехал,
Как дышлом на стену с разлету на отказ.
В столице встреченный зевотою и смехом,
Он скачет в Лондон. Там...
Радушно принят он. И стоголосым эхом
Европа торговшей ему отозвалась.
И вот уже, будя весенних тундр молчанье,
На «Темзе» в Енисей всплывают англичане...

XXXIX

Фрегат с сосульками на виселицах рей
С названьем «Тететгоф» команда оставляет.
Шли месяц. А судно, быть может чуть бледней,
Кресты огромных мачт до неба поднимает;
Шли десять дней еще и девяносто дней
Пешком по страшным льдам. И вот: собака лает
На русском корабле: близ бухты Пуховой
Весь до верхушек мачт он отражен водой...

XI

Расставшись с «Вегою», в туманную протоку
Всплывает «Лена». Мыс моржовою губой
Поднялся из воды... Теперь один к востоку
Усатый Норденшельд ведет свой зверобой.
Хрустальный колокол, приросший за ночь к боку,

Расколот пополам. Заздравною волной
Им брызжет океан сквозь боковые сети
За исполнение мечты пяти столетий.

ХЛІ

...На мокром мостике стоял Русанов. Глухо
Шумел прибой, на мель швыряя валуны.
Как белую толпу одетых в саван духов,
Он пену вскидывал из черной глубины.
Да корабля фонарь, как огненная муха,
Летел к нему. И льды, хребтом взгромождены,
Смыкались за кормой. Налево были горы.
Направо — ночь и льдом забитые просторы.

ХЛІІ

И под лучами зорь последних, на востоке,
Тресковой чешуей канал воды блеснул.
То был желанный путь, неведомый, далекий,
Лишь «Вегой» пройденный. А следом реял гул
Орудий. Это льды сшибались на пороге
Двух водяных домов. А север потонул
В огне. Он весь пылал, как пуншевая чаша,
И плыли в золоте вечернем, в иглах башен,

ХЛІІІ

Соборы айсбергов. Двенадцать моряков
И Кучин — капитан, ходивший к Антарктиде —
Взошли на палубку. Завал тяжелых льдов

Раскрылся западней пред ними. На корыте
С названьем «Геркулес» они без лишних слов
Решили дальше плыть: иль потонуть, иль выйти
К проливу Беринга сквозь тысячу ворот
Возможной гибели. И ночь открыла рот

XLIV

И поглотила их навек...

А на год раньше
У горла двух морей столпились корабли.
В проливе — караван. На взморьи — караван же.
Все в море в этот год проникнуть не могли.
И вот уж в сентябре, — когда багров, оранжев
Лег за кормой закат, — как бы паря вдали
На дымовом крыле, расталкивая льдины,
Как лебедь пронеслась проливом баркантина.

XLV

Лишь имя золотом на выпуклой корме
«Святая Анна» враз зажглось под солнцем поздним
И враз погасло... «Снег шумел в вечерней тьме.
Слетаясь к фонарям, шепча о чем-то грозном,
О чем-то сказочном, как детство. Как в уме,
Во вьюге понеслись преданья. То в морозном
Дыму, в огнях, встают большие города.
То слышен женский смех, то — хор. А то — суда,

XLVI

В скульптуре, в фонарях, кренясь под парусами,
Но не касаясь волн, во вьюге пролетят
Легки, хоть доверху загружены тюками,
На Белых островах сгибаются, шумят
Багряные леса, невиданные нами...
Так — в мутно-синее кольцо сомкнув закат
С восходом, ночь несет легенды снеговые,
Как миллион гусей, над Колой, над Россией,

XLVII

До Крыма... Если вы увидите хоть раз
Миражи снежных бурь над Баренцовым морем,
Вам будет чудиться и будет мучить вас
Цветущая страна за ледяным простором,
Которой нет еще, где лишь снега сейчас.
Вы захотите льдам, ночам, полярным зорям,
Любой снежинке дать другие имена,
Взяв их из тех глубин, где Эдда рождена...»¹

XLVIII

Толпится экипаж Норвегии и поморы
У грязной лестницы в салон. Порой до них
Доносятся слова ругательств или спора.
Вот капитан кричит, вот штурман. Крик утих.

¹ Дневник Альбанова.

Шаги. Наверх взбежал Альбанов: «Братцы! Скоро
Я уйду к земле. Но это для других
Пусть будет не в пример!» И все, кто были в силе,
Тринадцать человек пойти за ним решили.

XLIX

На корабле цынга, раздор. Им все равно
Ждать было нечего. Они в конце апреля,
Взяв судовой журнал, покинули судно.
Под ними зеркала пунцовые горели —
Корчаги тысяч зорь расколотое дно.
Но с каждым днем страшной недостижимость цели
Им затемняла ум. Все знали: дрейфом льдов
Их тащит в океан, назад от островов.

L

От кулака цынки из челюстей крошились
Их зубы. От трудов ужасного пути
Мертвели ноги их. Сильнейшие ложились
На лед, чтоб умереть, но дальше не идти.
Тогда к ним подходил Альбанов. Черен, жилист.
И сам чуть жив, он все ж их должен был вести.
В нем подымалась мостом огромным воля,
Верст на сто бросив тень на ледяное поле.

LI

Чтоб их от гибели спасти, он кулаком
Отставших бил в лицо, пока они, рыдая,

Не встанут, не пойдут. Забывшись кратким сном,
Он быстро вскакивал и, снова избивая,
Гнал обессиленных. Порой им островком
Казалось облако иль глыба ледяная.
Вот наконец земля дневной луной вдали!..
Но двум лишь удалось добраться до земли.

LI

..Отходит мглы стена, от солнца кровавая.
Под ней на берегах Гренландии шумят
Леса дубов, листву к прибою наклоняя.
Порхают бабочки, стада слонов трубят
Над теплым озером. Из моря выплывая,
Дюгони грудью вверх на отмелях лежат.
Прошло сто тысяч лет. В седых глазах варяга
Дым от колонии встает с архипелага.

LII

Но спят под глетчером погибшие года —
Толпа богатырей и скайльдов, с городами
И войнами... И вновь ночные ворота
Открыл морской апрель. Сверкая плоскостями,
Взлетает самолет следить движенье льда,
Чертя крылом волну, кружась под облаками,
Блестя за тучами сигнальным фонарем
И отражая даль серебряным крылом.

LIV

В очках и пыжике под шлемом желтой кожи,
Сжав рукавицей руль, ведет его пилот.
Оттуда глубже мир и молодость моложе...
Вот падает из туч огромный самолет,
Поджавши плавники. Тяжелым, полным дрожи
Крылом не зачерпнув кипящей пены вод,
Он над торосами и над волнами мчится,
Ведя во льдах дымки весенних экспедиций.

LV

Семь дней шатали дом и улетали прочь
Бураны. Ключ стучал в руках радиста. Канув
За Хатангу, в Таймыр откатывалась ночь.
Все ждали. Наконец через пролом туманов
Спустился самолет. И кто-то во всю мочь
Вскричал: «Опять у нас, товарищ Водопьянов?»
Плечистый человек, сошедший с корабля,
Ответил весело: «Всегда у вас, друзья!..»

LVI

До палуб вал вставал, крутой, зелено-сизый.
И ветер флаги рвал, глуша команд слова.
Шли выше Северной Земли. В очках у Визе,
В оранжевых кругах, качались острова.
Серебряной стеной подол полярной ризы

Волокся вдоль борта. Сверкала голова
Горы. И айсберг плыл в табачной мгле туманов
Обеденным столом харчевни великанов.

LVII

В завесе дымовой он плыл, как будто флот
В проливе надымил, при этом все матросы
Курили. Ни один корабль до тех широт
Еще не доходил. Лишь опустивши тросы
Как струны и как дом, поставленный на лед,
Там проволокся «Фрам». Стекланные морозы
Сменяла оттепель. Борьба с тяжелым льдом
Сменялась широко распахнутым путем.

LVIII

Все зданье воздуха шатается от взрывов.
Ад перегрузок. Мга. Летящие снега.
И горы лунные и пропасти проливов.
Пурга. И снова льды на миллионы га.
Так шел «Сибиряков», раскидывая гриву
Осколков. Так была прорублена дуга
Заветного пути в закованном просторе
От моря Белого до Берингова моря.

LIX

«...Раздался громкий треск. Конец гребного вала
Обломлен. Винт лежит на дне. Теперь всему
Конец! Пути конец!» У мертвого штурвала

Встал Отто Шмидт, глядя в клубящуюся тьму.
Там мыс Шелагский нес чудовищные скалы.
А льдины прыгали и бухали в корму
И грохались в борта сажеными краями
Зеленых панцирей... Четырнадцатью днями

LX

Неслыханных трудов оплачена была
Победа. Шесть больших брезентов с трюмных люков
Заместо парусов команда подняла.
Отпихивали лед багром и друг у друга
Учились ярости, чтоб ярость сон гнала.
И вырвали корабль из ледяного круга
И вынесли его на волю на плечах.
И враз осыпались на страшных воротах

LXI

Печати и замки!.. И партия решила
Отметить славную победу. Создан был
«Главсевморпуть». И вновь с учетверенной силой
Шло наступление. «Челюскин» повторил
Сквозной поход...

...Льды нарастали, целиком заполнив
Серебряное моря колесо,
Под южным ветром приходя в движенье,

То расходясь разводьями, а то
Валы нагромождая. А разводья
За сутки застывали иль под ветром
Опять смыкали створки, становясь
Порогами сильнейших торошений.

На палубах заранее был сложен
Двухмесячный запас продуктов, бочки
Горючего, палатки и одежда.
Особым расписанием люди были
Разделены на несколько бригад,
Чтоб сразу выгрузку начать и быстро
Ее закончить в случае беды.

Как дрейфовал «Челюскин». Неизменно
Научные работы продолжались.
И ежедневно в полдень капитан
Влезал высоко в марсовую бочку
Глядеть, как изменяются в лице,
Меняясь словно градовые тучи,
Высокие торосы, из которых —
Он знал — корабль не выйдет никогда.

Была пурга, большой мороз и ветер.
По ветру долетал далекий гром.
То опускаясь, то приподнимаясь,
Дышала в майне черная вода.
Как вдруг корабль внезапно покачнулся,

И на подвесах закачались лампы,
И корпус парохода тонким звоном
Наполнили авральные звонки.

Вал, много дней стоявший неподвижно,
Вдруг покотился на корабль. Обломки
Многопудовых глыб друг через друга,
Играя, перекатывались белым
Кипящим гребешком морской волны.
Еще вчера во льду под левым бортом
Образовалась трещина. Теперь
Она расширилась. И вдоль ее
Задвигалась тихонько половина
Хрустального расколотого поля,
Неудержимо вдавливаясь в борт.
Над нею пучились листы обшивки,
Наружу выгибаясь. Наконец
Обшивка лопнула по шву. Заклепки
Свистя летели словно пули. Разом
Был прорван левый борт.

Хотя пролом

Пришелся выше уровня воды
И не грозил мгновенным потопленьем,
Но толстым краем движущейся льдины
Был прорван борт и под водой.

Вода

Фонтанами рванулась из проломов
В машинном и котельном отделениях.

И льдина влезла в самый трюм и краем
Котел спихнула с места, разорвала
Трубопровод, зажала клапана.
Пар начал бить сквозь щели и разрывы
И раскаленным облаком наполнил
Трюм, прогоняя кочегаров.

Новым

Напором был продавлен бок у двух
Передних трюмов. Море устремилось
Туда. Корабль тяжелыми толчками
Стал погружаться носом. Слышно было
При каждом оседаньи, как хрустят
Раздавленные льдинки.

Теплый воздух,

Гремя и воя, вылетал наружу
Сквозь вентиляторы. Был виден в двери
Кают пролом борта, и сквозь пролом
Из парохода люди вылезали.

Все было приготовлено заранее.
По лестницам, подставленным к бокам,
Слезали люди. По доскам на лед
Катились бочки, ящики. Работа
Шла четко, молча, бешено и быстро.

За спуском наблюдали штурмана.
Следя за всем, всем правя, на спардеке
Стояли Шмидт, Бобров и капитан.

Не слышно было криков. Каждый знал,
Что делать. Под пургой сновали люди,
Подхватывая выброшенный груз,
Спасенное оттаскивая дальше,
Туда, где разворачивался лагерь,
Туда, где выросли бастионы
Тюков, мешков и бочек. До последней
Минуты сбрасывали грузы...

Нос

Был под водой. Раскатывалась пена
По верхней палубе. С нее вода
Трескучим водопадом полетела
На задранную вверх корму. Треща,
Обрушивался мостик. Покатились
Обломки палубных построек, доски
И бревна.

По качающимся трапам
Уже сходили капитан и Шмидт.

Откуда-то летящее бревно
Сшибает с ног Воронина. «Скорее!»
И Могилевич прыгает в толпу
Летящих в пропасть сумасшедших бочек,
Заносит ногу в валенке за борт
И падает назад.

Корма взлетает
На высоту шестого этажа.
И, прикрываясь черной лапой дыма,

Пловучая громада оголяет
Окрашенное киноварью днище
И двухсаженный мотылек винта.
Так увлеченный тяжестью воды,
Наполнившей его до половины,
Гигант обламывает зубья льда,
Державшие его в своем зажиме,
И шумно погружается.

Из майны

Кипящим колесом взмывает пена, —
Водовороты в шапках белых льдин.

В ста сорока, иль больше, километрах
От берега за вечер вырос лагерь
На голубой, ломающейся льдине,
Теченьем уносимой в океан.

Фонарь, зовущийся «летучей мышью»,
Резцом луча из мрака вырезал,
Как маску из коричневого камня,
Рельеф надбровья, веко и скулу
Радиста Кренкеля.

Кругом в палатке

В два этажа лежали друг на друге
Измученные выгрузкой, вповалку
Тяжелым сном поваленные люди.

Что предстояло им? Не знал никто.
...И утром, наконец, радист Иванов
Услышал: «Отвечает Уэллен».

Тогда поспешно начали готовить
Площадку для приема самолетов,
И метров на четырнадцать над морем
Решетчатая башня поднялась,
Вздымая огнедышащую бочку,
На дне которой жгли кошму и нефть,
Обозначая лагерь длинным дымом.

В восьмом часу вставали. По палаткам
Гудел огонь в железных камельках.
А после чаю люди уходили
Чинить раздавленный аэродром.
Ценой любых трудов, в любое время
Суметь принять внезапный самолет;
Глядеть, как гибнет многодневный труд,
И начинать все снова, — это было
Единственным, прямым путем к спасению.

Тяжелый АНТ идет над бледносерым
Простором замороженного моря.
Внизу беззвучно лопается лед.
Из трещин вьется облако. Пилоту

Мерещится, что это дымовой
Сигнал над лагерем. Но вот летнаб
Увидел самолет на льду. Теперь
Уже заметна сетчатая башня,
Палатки и барак
И черным роем
У полыньи толпящийся народ.

Но как узка и коротка площадка,
Какими глыбами окружена!
Одно неверное движенье, и крылатый
Гигант сломает ноги, разобьет
Трубящую, сверкающую морду.
Но у руля товарищ Ляпидевский,
И бомбовоз, широко опоясав
Простор двумя кругами, сел, слегка
Качнувши льдину...

«Красин» подплывает
К Панамскому каналу. С парохода
«Совет» перегружаются поспешно
Аэросани, лодки, дирижабли
На пароход с названьем «Сталинград».
Три летчика — Доронин, Водопьянов
И Галышев — летят к Анадырю.
Через Америку в сверкающем экспрессе
В Аляску с Леваневским и Слепневым
Проносится Григорий Ушаков,

Чтоб переброситься одним громадным
Прыжком с материка на материк...
Корабль, крещенный именем «Смоленск»,
Каманина привозит в Олюторку.
С ним все его звено. Седоголовый
Полярный летчик Молоков и трое
Других товарищей.

(Кто знает, что такое

Лететь сквозь тучи — белым днем сквозь ночь, —
Когда за самолетом командира
Идет звено послушных самолетов?
И, вылетев из тучи в белый день,
Найти в кабинном зеркале не тройку
Машин, вошедших в тучу за тобой,
А только две, и самому себе
Сказать: «Что ж он? Поворотил назад?
Не выдержал? Он мало тренирован
Для трудного полета в облаках?
А может быть, разбился?»)

...Наконец...

(Кто знает, что такое проноситься
В таком густом тумане, что не видишь
Ни правого, ни левого крыла?
Не видеть ничего и слышать, как сгорает
Последнее ведро бензина? В том
Тумане на землю нельзя садиться.
Хоть летчик, пробивающий туман
По вертикали, может пролететь

В прозрачное пространство высотой
На полверсты и место приглядеть
И, выравняв умолкшую машину,
Он может сесть. Но если тот туман
Течет молочным морем по земле,
И летчик, пробивающий его,
И за два шага не увидит землю,
Тогда...)

И, наконец, перелетели
Великое пространство! И спустились
На льдину два быстрееших из пяти.
Дней через пять еще за ними двое,
На помощь людям в темном океане,
Свои серебряные корабли
Примчали за пять тысяч километров
Сквозь стужу и снега арктической весны...
И за четыре дня все были спасены.

LXII

Пусть улы городов над колесом прибоя
На диких берегах заблещут, загудят!
Пусть Лена с Колымой щербленою волною
Электростанции ночные отразят!
Пусть эти города наполнятся толпою
И грузы, в гулкой трюм срываясь, заглушат
Прибой! Пусть корабли несметной вереницей
Пойдут в приморские, сибирские столицы!

LXIII

Не страшно будет плыть по Северным морям
Им под охраною сверхмощных ледоколов.
...Как далеко горит стекло веранд и рам
В приморском городе! Проходят стены молдов,
Цистерны, пристани. Идут по берегам
Стеклянные дворцы. Восьмимоторный голубь
На крышу снежную садится. Высоко
Плывет аэростат над черною рекой...

LXIV

Сквозь пять иль семь веков неслась моя поэма,
Как шумный снегопад Каспийских лебедей.
Не близок перелет. Была большая тема
Трудна. И, может быть, не справился я с ней.
Но лебеди летят сквозь облака и темень
И на волну озер садятся все тесней.
И плавно кружатся, как цвет огромных яблонь,
Над полосами рек, подобных синим саблям.

LXV

И я кладу перо. В нем мало волшебства,
Чтоб все сказать о днях боев с первоначальной
Стихией и о днях побед и торжества.
Когда-нибудь вернусь дорогою недалней,
Вернусь и принесу надежные слова

И скрепы стойкие: все для десятибалльной
Поэзии. Пока и то, чем болен я,
И то, что я люблю, и все, чем жизнь моя

LXVI

Уязвлена до дна, лежит безмолвной глыбой,
Гренландию души, как глетчер, придавив.
А мир плывет китом, пунцовохвостой рыбой,
Столицы на спине неся.

«... Ночной отлив

Умолк. По голубой, по сыплющейся зыби
Тьму светоносных вод носами раскроив,
Клубя хвосты огня, громады пароходов
Вниз головой плывут под небом антиподов.

LXVII

Плывут. Они с собой уносят все, о чем
Я раньше тосковал. Все глубже в сердце тонет
Нагорный городок и с белой крышей дом.
И память их на том янтарном дне не тронет,
И в них — затоплено живым, стоглазым сном —
Спит все, что ты звала любовью. Буря гонит
За окнами снега. Она меня зовет
Для высшей доблести в просторы темных вод...»

LXVIII

Уж полночь. Над столом в Кремлевском кабинете
Склонился лоб вождя. Над Волгой, в фонарях,

Синеет новый мост. Давно уснули дети.
Гремят пропеллеры в холодных облаках.
Несутся поезда. И в снеговые сети
Вплывают города на Северных морях
Толпой светящихся, огромных рыб. И в пене
Ныряют стаи шхун у стойбища тюленей.

LXIX

В поселках Груманта проснулись горняки.
Встают в Азовщине колхозники. Высоко
Взлетают на берег из лопнувшей реки
Осколки льдин... Рассвет, замедлив у порога,
Родил прозрачный мир, чтоб те, кто далеки,
Казались близкими. Чтоб гул тайги с востока
Услышан был живой, безмолвною стеной
Сторожевых эскадр на Балтике ночной...

LXX

От Крыма до ворот, куда въезжают зори
В саях, от Каспия до Беринговых пуч,
По выгнутым мостам циклонов, на просторе,
Над нами катятся телеги гулких туч.
Но тучи крышами от моря и до моря
Встают, коль ветра нет. А он, космат, колюч,
Несет дожди, снега... И утро родилось!
И мир влетает в день! В оврагах скачут лоси,

LXXI

Рогами брякая о ветки на скаку,
Боками красными мелькая меж стволами.
...Шли по тайге моря, оставивши реку
В дыму, отгородив прозрачными стенами
От ночи новый день. И утром — по песку
Свивая пояс пен, сшибаясь с берегами —
Жгутом клубят прибой четырнадцать морей,
Семейство шумное Морской Страны моей.

LXXII

Выходим в океан! Срок наступил. Пора.
На шеях плотников сплелись и вздулись вены,
Судостроители, матросы, мастера
Склонились у стола над чертежом вселенной.
Содоноватый дождь приносят вечера
В открытое окно. И лето в черной пене
Листвы, обрызганной пророческим дождем,
Шумя сказаньями, накрыло каждый дом.

1935.

РАЗГОВОР ДЕТЕЙ

Дождик кричал за окном.
В капельках бегали люди.
Легкое солнце светило.
Маленький сад зеленел.

М а л ь ч и к

Если бы в капельку влез,
Никогда бы не стал умываться,
Никогда бы не чистил зубов,
А прыгал бы с башни на башню,
В облаках кувыркаясь!

Д е в о ч к а

А я бы гуляла в огромной траве —
В ней кузнечики больше коров.
Я бы их ловила сеткой,
В которой висят земля и небо.
Я ее видела во сне,
Когда училась летать.

Совсем маленький мальчик
с соседнего двора

У меня есть дома песчинка.
У вас такой нет.
В ней большой мужик с топором.
Большой рукомойник и мыло.
Я умею надувать пузыри.

Большая девочка

Как всё о смешном говорят
Эти глупые малыши!
Это всё отражается из физики!
Все мальчишки в меня влюблены,
Но я никого из них не люблю.
Кажется, многое очень смешно,
И очень всё интересно.
Я пройду, и никто не узнает,
Никому ничего не скажу,
Никогда не буду смеяться...

Дождик замолчал, и капельки высохли.
День прошел. Год прошел.
Восемь лет. Сорок лет.
Жили.

Все забыли.
Умерли.

От океанов ночь наступала в кимвалах.
Утро смеялось сквозь листья водой...
И снова по улицам бегали люди,
И дети, как дождик, галдели,
Теснясь на дырявом балкончике.
А жизнь, что сквозь слух деревянный
Натруженных временем лип
Оградным железом вросла в древесину,
Говорила им мокроогненной зеленью,
Смутным ропотом о полдень
И, темнея от гнева, шумела сказаньем в ночи.

1932

СТАРИК

Я спал и видел сон. Тому два года
Иль три или четыре. Сплелся с явью
Он в памяти. Волокна различить
Почти что невозможно. Жил тогда я
В чужой, печальной местности. На берег
Пустующего, северного моря
Гулять порой ходил. И...
Мертвой бухтой
Я прозвал это место. Даже рыбы
Не могут жить в ее гнилой воде,
Отравленной каким-то серным ядом.
Лишь тиною багровой шевеля,
По склизким камням нижнее движение
Ее воды всползает на песок
Зеленым, дряхлым студнем. Быстрый воздух
Нес облака, но волн не подымал.
На темя башни голой, допотопной,
Воздвигнутой природой, я взбирался,

Чтоб чистое его ловить дыханье.
Там волоком ползли по щербню тучи,
Да на заре в расселины бойниц
Орлы — корсары неба опускались,
И за полночь, внизу, на перевале
Мигал светец в жилище финской ведьмы.
Она шинкарила, волшбой, гаданьем
В округе промышляла. Я у ней
Бывал. Она мне ставила на стол
Свинцовый жбан с густой, навозной жижей,
Которая зовется здесь вином.

От сердца, или известь оседала
На дно сосудов, иль возврат забытой
В мозгу костей болотной лихорадки,
Или проклятья пращура хомут —
Однажды ночью сжал мне шею так, что
Ни крикнуть, ни подняться. Близость смерти
Не такова! Слепая харя злобы!
Слепая мести! Чьей? За что?..

Когда ж
Прошло, я встал, шатаясь вышел за дверь
И постучал хозяину. Старик
Мне отпер. Он не спал. Боялся моря.
Молился морю. Жил как мышь. А память
Была уже во власти ночи.

«Знаешь? —

Он шамкал. — Тут я люлечку привешу!
Утопленничек пухленький в ней будет
Качаться, отдыхать. И одеяльце
Припрятала старуха в кладовушке,
Горячих щец соседка принесет.
Есть у меня игрушки, пузырьчики
Стеклянные! В одном мы будем жить,
В другом все время фейерверк пускают!
Я с каждым днем все меньше становлюсь.
Малютка тоже был сперва высокий,
Потом все меньше, меньше становился.
И вот теперь совсем его не вижу,
А слышу: плачет, тонко, как комарик.
А мама наша Лесгафта читает —
Ни прутиком, ни пальчиком, ни-ни!...»

Так плел он вздор. Но я прервал: «Голодный
Крысиный порск, удушье мертвой бухты
Мне вытомили душу! Завтра я
Уеду, но сегодня — я прошу вас —
Сегодня одиночество страшит!
Ну будьте же сегодня человеком!
Поставим чай, завяжем разговоры.
Коль есть у вас табак — давайте! Он
Нас оживит».

Как будто ответ смысла
Блеснул в глазах, досель пустых и мутных.
«А-а, табачок! — прошамкал он. — Есть! Есть!»

И, роясь в рухляди, в рванье, в обломках
Корзин и мебели, шептал: «Есть! Как же!
В той самой комнате, где вы теперь, —
Он жил. Могучий, толстый, задыхался
При разговоре... только у него
Обоих ножек не было! На тачке...
Хе-хе... А вот...

(Хитрейшею улыбкой
Его лицо безумно исказилось)
... И табачок! Он все курил, бывало,
Без ножек-то! —

(И странное веселье
Овладевало стариком) —
Уехал!

А табачок-то, вот он где! Хе! Хе!»

«Давайте!» — крикнул я, схватив коробку,
И пальцами трясущимися жадно
Стал свертывать. Я не курил два дня.
В той местности табак не продавался.

... Сухой, трескучий, сыплющийся вспыхнул...

... Кружило... Как сквозь сон бубнил, хихикал
Юрод. Сползались звезды. В темноте
По перевалам, над лесами, тучи,
О щепень брюхом шарбая, ползли...

А темя блещет алым снегом утра,
Цветущим снегом юных лиц! Биваки
Дымятся! Это Альпы. И Суворов
Кричит со сна в соломе петухом.
Вот и вокзал... Какие липы! Жарко.
Сентябрь — а все цветет, Второй звонок.
Играют девочки в каштанах парка.
Перрон летит со звоном из-под ног.
Отдать за душу сладкого полета!
За душу страха! Душу слаще смерти!
Летя на замирающей подножке,
На узеньком, безумном облучке!
За сон любви в полете бездыханном!
А сердце пеня огненную лентой
Мелькает сквозь тамбуры! А тамбуры
Ревут как стадо скачущих букций!
А липы низвергаются! И зданья
Свергаются и исчезают где-то!
Вам, мостики, вам, тонкие, как сладко
Над ревом в море скачущих потоков!
Вас будит залпом каменная пушка!
Вас топит ужас пения и звона!
Вы тяжести не чувствуете! нет!..

...О, быстрый мир! На тонких спицах счастья
Ты кружишься!.. И сфер твоих круженье...
Ты нежным влажным яблоком любимой
Вращаешься в прозрачных веках ночи.

Я целовал тебя... живет во мне...
О, голый мир любви моей внезапной!
Я в счастья невозможного достиг.

А домики все меньше, меньше, меньше.
И вечер-старичок в смешной скуфейке
О быстротечной юности не плачет.
Я тоже мог бы чувствовать печаль!
Я в дом вошел. А в лампочке-коптилке
Сгорел весь керосин. И эти люди,
Такие добрые, уже уснули.
Но стекла по убогости своей
Слезятся. И, невидимый во мраке,
Комарик тонкий плачет одиноко...

На лобном месте каменной горы.

1930

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

I

Поет в лесу труба туманной влаги.
Тальник в росе в лицо с размаху хлещет.
И влипший в грязь древесный жар в овраге
Из тьмы, ногами выворочен, блещет.
И лес — пролог к неизреченной саге —
Над головою ходит и трепещет.
И вдруг между стволов просвет неожиданный
И облаков дождливых отсвет рдяный.

II

Катясь, кольцо серебряное суток
Приблизилось к прекрасному покою.
Как тающего льда мембрана, чуток
Стеклянный щит, звенящий под ногою
Над миром тем. Лесные окна уток
Поят осенней, кованой водою.

И хора балалаечного в чаше
Стегают струны лопнувшие чаще.

III

Утиных вод щербленая чеканка
Как сталь тверда. Прозрачным слоем — копоть
От выстрелов. Цыганская стоянка —
И холст, лохмотьями уставший хлопать
В кружащем медном пеньи полустанка
Верст за пять... Ночи оханье и ропот
Между стволами белыми (иль кони
Жуют овес, бряцающий в попоне?).

1930

I

Встает, гудит заря, так навсегда —
Сто лет назад, сто лет вперед — я буду
Иль кто другой, лишь схлынет темнота,
Служить живому обновленья чуду.
Я встал с зарей, но уж земля не та,
Что вечером. Ночь унесла, как море
Обломки тащит, целый мир... В распоре
Стволов враждебных новый лабиринт
Плывет, закованный в живой, кровавый бинт,

II

Чтоб туже сросся.

Зимняя равнина
Желта от солнца. Те ж дома и лес
И люди. Оседают снежной тиной
То ж время, как на дно с пустых небес,
Но падает прозрачная лавина
Светлей, громадней, гуще с каждым днем,

Жужжа листвою и солнцем за окном,
Качая стены отблесками. Вещи.
Глаза людей звучны и влажны. Мокро блёща,

III

Горит, дымит зеркальная листва,
Как бы летишь в вагоне буйным лесом.
Как полночь в ливне затекли слова
Значенья небывалого примесом.
Но уж последних ведер шум из рва
Доносится сквозь липы... Высыхает
Земля. И внук морскую гниль вдыхает
В чертополохе сказочном, вокруг
Заплеснелой стены. Он — поседелый друг

IV

Капризов бытия, глядит глазами
Огромными, бездонными, как снег
Вечерним ульем вьется над холмами,
Садится на корму завозни рек.
Он в ветре чует гул гигантских зданий,
Огнеэтажный окнопод столиц.
... Как тучу пепла вьюга кружит птиц
И воет и взыскует над равниной,
Где время падает на землю снежной тиной,

Ныряет над крышей ворона
Сквозь желтый вечерний дым,
И елей синяя хвоя
Светлей под снегом сквозным.

Им виден заброшенной дачи
Шпаклеванный вьюгой накат,
И лыжнику лоб облагряет
Из медной бадьи закат.

Овраг бултыхает бутылью
Ручья под тройной, ледяной
Корою и дышит, как память,
Коричневой глубиной.

И дышит любовь, что погибла
Давно, непомерно давно.
Лишь блещет сквозь черную воду,
Как уголья, красное дно,

1935

Слетаются с гоготом гуси
На остров — на каменный стол.
В серебряный колокол ночи
С разбега бьет ледокол.

Сверкающим облаком игол
Обвеянный, как сединой,
Он с шумом на льдины прыгал,
Ломя их клеткой грудной.

И, как от полета планеты
(...Пласт рушился грузен, слоист...).
Вдоль борта неся громовый,
Сплошной, фантастический свист.

А позже, в подобии порта,
Корабль котлы остудил
И — черный, до палуб затертый —
Лежал, набираясь сил.

Но брошена горсть мореходов
Сюда Советской Страной,
Чтоб путь для простых пароходов
Прорвать сквозь настил ледяной.

Чтоб звездами путь прорубила
И вывела изо льда
У Диксона и Самуила
Закованные суда.

Подводную Индию полюс
Накрыл необъятным щитом,
Киты на ночлег заплывают,
Как в дом, в города подо льдом.

Вот айсберг родившее лоно
До неба подбросило хвост
Осколков. Плывет стосаженный,
Обломленный с края нарост.

1935.

Я дальше глядел — в голубую
С оранжевым дулом трубу:
Звездой зажигалась столица
На диком Якутском горбу.

Там, как великанские лампы —
Хранилища сил и тепла —
Над черным взморьем горели
Стеклянных дворцов купола.

И хором трубили в надводной,
Бездонной, ночной глубине
Невидимые пакетботы
В семи ожерельях огней.

И, на версты крылья дыма
Раскинув над неводом вод,
Ревел и в Ленское устье,
Как лебедь, вplывал пароход.

Седой, он по волнам зыбал
За жизнь свою шесть годов.
К форштевню примерзла глыба
Хрустальная в сто пудов.

И вот, до столба осевого,
Подпершего полюс, как стол,
Он надвое кованым бивнем
Великие льды расколел.

Заухала музыка в тучах
Огней с пристаней, вдалеке
Толпой фонарей пловучих
Качающихся на реке.

За крайним, глухим переулком
Летели жужжа к берегам
Аэросани по гулким,
Как бубны шаманов, снегам,

Качая сходни, сбегался
Встречать ночной пароход
В звездистые и голубые
Меха одетый народ.

Вот гости выходят попарно,
Кто молод, а кто с бородой,

Прижженной горячей полярной,
Таинственной сединой.

Вселенной купол ледовый —
Как кованого сундука
Огромную крышку — сурово
Отбросила их рука.

Их речь то стихала, то сосны,
Как буря, сгибала — темна,
Но наши в ней звезды пылали
И наших вождей имена.

1935.

СНЕГОВАЯ КОРЧАГА

(ПОЭМА)

Вижу я — лишь глаза прикрою:
Юность раннюю, дом у реки.
Лошадей ведут к водопою
Загорелые ямщики.

У бадей наклоненных донца
И битюжьих спин волоса
Обагрят, проносится солнце
Медным поездом сквозь леса.

Крутозады и горбоносы,
Выгибая шею кольцом,
Сходят кони вниз по откосу
За приземистым ямщиком.

Глухо цокая по переулку,
Ржанье вскидывают до звезды

И в большие осколки гулко
Расшибают стекло воды...

Слышу я — лишь глаза прикрою:
Словно гуси, на берега
Отдыхать садясь, над рекою
С тоготаньем летят снега.

Их сперва корзинами сыплет,
Дом до крыш завалив, а потом
Пузырьками винными зыблет
В бочке ночи над фонарем...

Город спину взгорбил, как мамонт.
Сыплют искрами трубы судов.
Хлещет вал в надколесные рамы —
В бубны гулкие кожухов.

К черным тумбам пристыли причалы.
Поздно! Поздно! К затонам пора,
Если парни с заслуженных палуб
Грязный лед соскребали вчера.

На тропинке трава замерзает,
Где к колодцу ты бегала встарь.
Раз десятый с тех пор облетает
Почернелых дубов календарь...

... А снежинки несло как из пушки:
Чуть под вечер шагнешь из ворот, —
На лице залепляли веснушки,
Залетали в смеющийся рот.

Над полмиром, и больше, пришлось
Им шуметь выше гор и лесов,
Обгоняя погоню за лосем,
Обгоняя огни поездов.

Засекаться о клювы летящих
Птиц пришлось, греметь о крыло
Самолета. И, падая в чашу,
К леснику стучаться в стекло...

За рекой в бору великаны,
Лампой — месяц, столом — гора,
Подымая к тучам стаканы,
Совещаются до утра.

Еще землю царапает полоз.
Купол дымен. Дорога долга.
И опять мне твой смех и голос
Задыхаясь несут снега.

Хлопья шепчут: «...лиц не запомнить.
Мы неслись любоваться тогда
Огневými хвостіщами комнат,
Табуном — за звездой звезда.

Опускал шлагбаумы вечер.
Шла с ведром она со двора.
Мы гурьбой ей садились на плечи
И на мокрые стенки ведра...»

В том дворе, под лампой, повисшей
Словно колокол над столом,
Парней-кленов и девушек-вишен
Круг сходился к вечеру в дом.

Отработав, свои и соседи
Собирались. Гасла заря.
Тень на лицах из синьки и меди,
Свет — из яблока и янтаря.

Лампа золотом скатерть мажет,
Озаряет то лоб, то висок.
В кресле бабка столетняя вяжет,
Будто меряет на нос чулок.

Крыты веки умбровой пылью.
Дни, как скалы ломавший потоп,
Ей глубоко пробороздили
Земляные скулы и лоб.

Все казалось тогда драгоценным:
Блеск чуть видных чешуек лица,
Медный кран и мыльная пена
На усталой шее отца.

Дым над ужином. Хлеб из корзины,
На ногах у стола резьба.
И у деда — рогом — седины
Над щербатым вылепом лба...

Все бодрится старик. Он лечит —
Гири сняв — стенные часы.
Вынул кучу пружин и колечек
И сердито щиплет усы.

С темной старостью рядом какая
Юность шумная («...все им смешно-о...»)!
Будто пенится хлябь золотая, —
В чернобоких корчагах вино.

А когда, наконец, ты входила —
Оживал ковер, и в дуду
Шерстяная баба трубила,
Овцы блеяли в желтом саду.

И на печке с корой железной
Два сверчка, лишь бы ты вошла,
Поплевав в ладони, прилежно
Били в тоненькие колокола.

И на стеклах иней, иглистый,
Лирохвостый, с отблеском в медь,
Как под ветром боярышник, листья
Покачнув, начинал шуметь...

Ты вошла, и все обернулись,
Так светло и шумно вошла,
Будто вьюга трубами улиц
В снежных искрах тебя несла.

От полета еще раскружиться
Не успев, бросив шаль на окно,
Ты сказала: «Еду учиться
Завтра ж! Вот и все... Решено».

И пока подруги кричали,
Словно ветви сплетя голоса, —
Горстью капель дрожа, умирали
Звезды снега в твоих волосах.

И отец твой, кожевник (...краска
Въелась в ногти...), щуря глаза,
Бормотал с угрюмою лаской:
«Ну, добро... Значит, едешь, коза?»

Что ж? А я тут останусь кожи
Квасить, — завтра опять, чем свет...
Осержусь вот и дерну — тоже
В инженеры — на старости лет!»

И, смеясь, наступив неуклюже
Сапогом на дырявый ковер,
Он жгутом полотенечных кружев
Чуть не до крови шею тер.

Ну, а мне с моею любовью
Было хуже... На шатком столе
Чай дымился, и оком разбоя
Водка щурилась в толстом стекле.

Здесь прощались. И рюмкам в донца
Бил оранжевый, ломкий свет,
Будто карликовые солнца,
Утонув, зажигали след.

Обрывались с вешалок шубы;
Иней гнулся ботвой со стекла;
И над всем этим: скатертью грубой,
Над убранством бедным стола —

Темный волос набрасывал клином
Тень на лоб, на пламя щеки.
Загорались цыганским, старинным,
Краснодонным блеском зрачки.

Тихий голос, глубокий до дрожи,
И румянец, игравший едва,
Будто в жилах под смуглой кожей
Брезжит утро и пляшет листва.

Было нечто — в простом, смугловатом,
Словно ветру открытом лице —
Шелестящий корабль снегопада
Подымавшее в шумном кольце.

Нечто — в голосе, за поворотом
Плеч приподнятых, как за стеной, —
Отпирившее с гулом природу
Как стеклянный сундук предо мной.

Все явления — в морозном дыме
Лес — от солнца до пенья в крови —
Зеркалами вставали живыми
Пред лицом этой странной любви.

Даже стены, промозглые, в меле,
Чуть заметно лучились, и дом
Оживал. Даже стулья умнели,
Черным лаком блестя, как зрачком.

...А когда уходил я — над ширью
Утра медленного, сквозь снега
Подымала обозы, как гири,
Голубого моста дуга.

И опять, как всегда бывало,
Лишь увижу тебя перед собой,
Изумленье огромным валом
Захлестнет меня с головой...

В мире есть Снеговая Корчага.
Юность, память, судьба, забвенье —
Все в ней тонет. Снежинок ватага
По ночам приносит ее.

И черпак и кружку приносит,
И бинокль, чтобы видеть на дне
Город сердца, метельную проседь
И огонь у любимой в окне.

1934.

СОДЕРЖАНИЕ

Первоначальное накопление.	5
Детство.	35
Северная поэма	40
Разговор детей	76
Старик	79
Осенний вечер	85
Встает, гудит заря	87
Нырять над крышей ворона.	89
Слетаются с гоготом гуси.	90
Я дальше глядел — в голубую.	92
Снеговая корчага.	95

ЧИТАТЕЛЬ!

Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст.

Просьба к библиотечным работникам организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней.

Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, 9, Большой Гнездниковский переулок д. № 10, издательство «Советский писатель».

Ответственный редактор *В. Луговской*
Технический редактор *М. Терюшин*
Уполномоченный Главлита № Б. 9424
Сдана в набор 25/VIII-35
Подписана к печати 17/I-36
Тираж 5.200 экз. Зак. т. 1372
Бумага $72 \times 110 \frac{1}{32}$
Печатных листов $3 \frac{0}{8}$, авт. листов 4
С. П. № 7

7-я типография „Искра Революции“,
Мособлполиграф. Арбат, Филипповский 13

Цена 1 р. 75 к.